

В марте 2009 года Анатолию Александровичу Королёву — Заслуженному деятелю искусств РФ, петербургскому композитору, профессору Санкт-Петербургской консерватории, автору симфонических, хоровых, камерных и мультимедийных сочинений — исполнилось 60 лет. Редакция журнала сердечно поздравляет юбиляра и желает ему дальнейших творческих успехов.

Королёв Анатолий Александрович родился 31 марта 1949 года. Окончил Среднюю специальную музыкальную школу-десятилетку при Ленинградской консерватории (1967), Ленинградскую консерваторию: в 1972 году — по классу хорового дирижирования Е. П. Кудрявцевой, а в 1975 году — по классу композиции В. И. Цытовича, и аспирантуру под руководством Б. А. Арапова. С конца 1990-х годов является сотрудником Электронной студии Союза композиторов.

Творчество Королёва затрагивает самые разнообразные жанровые сферы: камерная, симфоническая, фортепианная, органная, театральная и кинематографическая музыка. Ранние хоровые сочинения связаны с литературными текстами: на стихи В. Катаева, А. Блока, И. Бунина, А. Тарковского. Есть сочинения на богослужебные тексты.

Среди симфонических сочинений Королёва — пьесы для большого оркестра «Палимпсест», «ФИЛАРМОНIA», «Фигура речи». Постоянно и много исполняются его хоровые работы: «Скачут лошади Бориса и Глеба» на стихи Б. Чичибабина, «Мы не пьем вина» на стихи И. Бродского, хоровой концерт «Слава Богу за все» на текст акафиста Григория Петрова, «Два размышления о Божием величии» на тексты М. В. Ломоносова для хора и оркестра.

Популярны камерные сочинения: «Большой распев» для клавирина, струнных и ударных, «Школа для дураков» по Саше Соколову для певцов-солистов и ансамбля, «Махакала» («Бой на станции Лозовая») по роману В. Пелевина «Чапаев и пустота» для ансамбля.

Анатолий Королёв регулярно принимает участие в самых представительных фестивалях Санкт-Петербурга, посвященных творчеству современных композиторов, — «Петербургская музыкальная весна», «Звуковые пути», «От авангарда до наших дней» — а также является неоднократным победителем конкурса композиторов «Пифийские игры».

Sofia LEVKOVSKAYA, Alexander KHARKOVSKY Free Electron by Anatoly Korolev

Предлагаем читателям запись беседы с Анатолием Королёвым радиожурналиста и композитора Александра Харьковского и композитора Софии Левковской на студии «Радио России — Санкт-Петербург» в рамках передачи «Свободный электрон», выпуск 6. Записала беседу София Левковская.

There is the conversational with composer Anatoly Korolev by media journalist and composer Alexander Harkovsky and composer Sofia Levkovskaya at the «Radio Russia» studio. Text by Sofia Levkovskaya.

София ЛЕВКОВСКАЯ, Александр ХАРЬКОВСКИЙ

Свободный электрон Анатолия Королёва

А. Х.: Анатолий Александрович — композитор, профессор Петербургской консерватории и руководитель Лаборатории электронной музыки и компьютерных технологий...

— Именно так.

С. Л.: Санкт-Петербургской консерватории.

А. Х.: Нам всегда важно, кто перед нами. Вы — не тот человек, который занимается только электроникой... Вы занимаетесь много чем, и пишете много всякой хорошей музыки. А начинали вы с чего? С каких композиторских пристрастий?

— Вы имеете ввиду, кому я подражал, да?..

А. Х.: Кому подражали, какую музыку писали, чего вам хотелось?

— В разное время — по-разному, конечно. Хотя, считаю, что уже достаточно давно — где-то с 1980-х годов — я как-то для себя, в общем, определился, и мои музыкальные пристрастия находятся в области создания, скажем так, звучания (саунда). Отсюда и интерес к электронной музыке в том числе. Хотя собственно электронных сочинений у меня немного. Чисто электронных. Но меня очень интересуют различные взаимовлияния музыки акустической, традиционной и электронной. Причем, как в одну, так и в другую сто-

¹ Программа об электронной музыке подготовлена совместно с Международным фестивалем искусств «От авангарда до наших дней», Смольным институтом свободных искусств и наук Санкт-Петербургского университета и Санкт-Петербургским институтом гуманитарного образования.

рону. И существует масса примеров такого взаимодействия в истории музыки... Скажем, начиная разговор со студентами об электронной музыке, я говорю обычно о Равеле, например. Потом, Шелси. Эти авторы никакой электронной музыки не писали, но идеи звуковые, которые используются в электронной музыке, у них уже были... Эти идеи появились в традиционной музыке гораздо раньше. Вообще-то, электронная музыка похожа на любую другую — там масса разных направлений. Это и создание звука, и использование всевозможных существующих звуков (так называемая конкретная музыка). Это еще и определенные расчеты, т. е. создание структуры, что тоже естественно для музыки, начиная с Ренессанса. Так что, вообще-то, ничего нового там нет.

А. Х.: Когда мы делали об электронной музыке свою первую передачу, то начали с С. Л. разговор, если я не ошибаюсь, с челесты у Чайковского и с музыкальных автоматов рубежа XIX–XX веков...

С. Л.: ...с пианол. От пианол — к современным высоким технологиям...

А. Х.: Анатолий Александрович, вы пишете оркестровые и хоровые сочинения. В этой — акустической — музыке может идти и уже заключается что-то, что привело вас в электронную?..

С. Л.: Наверное, речь о вашем «Большом распеве» для струнных, клавирина и ударных, где воссоздаются акустические «погрешности», шероховатости звучаний... Они-то и становятся базовым саундом этого сочинения...

— Именно так. Но я имею в виду не только свою музыку. Например, упомянутый раньше Равель... Вспомните «Восход Солнца» из «Дафниса и Хлои». Инструменты с помощью нотной записи создают звучание, которое сейчас в электронной музыке часто воспроизводится нажатием одной клавиши.

Звучит фрагмент «Восхода Солнца» из «Дафниса и Хлои».

— А теперь предлагаю послушать еще один сэмпл из Джиачинто Шелси. Трудно себе представить, что это играют реальные живые инструменты. Сочинение называется «Испфато». Совершенно невероятное для акустических инструментов звучание!..

Звучит фрагмент «Испфато».

— Более того, сейчас ведь происходит обратный процесс — когда электронная музыка начинает влиять на живую. Вот, московский автор Дмитрий Курляндский, например... Может быть, в его сочинениях это несознательно инспирировано конкретной музыкой — но создается впечатление, что это так. Скажем так: механизм поддержания жизни — оркестровый; и совершенно изумительно, с невероятной фантазией с помощью...

С. Л.: У Курляндского совершенно буйная фантазия...

— Да, невероятная фантазия! С помощью обыкновенного оркестра создается конкретная музыка — например, реанимационное отделение больницы¹. Или, скажем, в музыке Шнитке таких примеров очень много. Когда нам слышится даже не компьютерная музыка, — еще компьютеров-то толком не было! Это всякие механические приемы: размытие, delay с обратной связью. Однажды даже на какой-то встрече я его спросил, сознательно он это делает, или нет. Он от этого вопроса несколько ушёл, сказал: я написал столько киномузыки, что, наверное, это сказывается в серьезных сочинениях.

С. Л.: «Эхи» всякие, «расползание» звука?

— Да-да-да. Так что, и прямая, и обратная связь существуют. Вообще, очень интересный процесс, между прочим, для музыковедов.

С. Л.: Но это — сейчас... Наше музыкальное сегодня... А интереснее всего попробовать ответить на вопрос, что же будет дальше? Каковы ваши предположения на этот счет?

— Я думаю, что, как всегда, ни одно из предположений не окажется верным. Вообще, сейчас... если уж так генерально (но речь — не только об электронной музыке; электроника — только музыкальное средство, такое же как, скрипка или рояль), ... похоже, что мы преодолели какой-то очень большой музыкальный период, примерно от начала барокко до второй половины XX века, и происходит изменение, как говорится, музыкальной парадигмы, наподобие момента перехода от Ренессанса к Барокко. Тогда за несколько десятилетий перевернулось вообще все. Вот сейчас что-то в таком духе происходит.

А. Х.: На этом месте мне стало очень интересно.

С. Л.: Конечно, это же самое интересное!

А. Х.: Анатолий Александрович, вот у меня возникает такая мысль, когда говорим об электронной музыке: в естествознании и философии есть такой антропный принцип — когда доказывают, что в ходе развития мира все, как будто бы, шло к тому, что должен был появиться человек. Как бы задача такая была. При помощи этих рассуждений можно доказывать существование высшего разума, т. к. все было направлено в сторону создания человека. Когда Веберн читал лекции об истории музыки, там у него все было направлено в сторону создания додекафонии. Когда мы говорим об электронной музыке в нашей передаче, у нас именно так получается — и у нас с С. Л., и вы сегодня начали примерно по той же логике. Только не антропный, а какой-то такой компьютерный принцип: вся музыка была направлена в сторону компьютера. Сейчас вы сказали, что не так: все-таки, компьютер — это всего-навсего инструмент, но мысль эта уже прозвучала. Вроде бы, компьютер, электронная музыка как-то собрали и упростили многое из того, что веками рождалось в муках. И, наконец, так подытожили, что теперь можно идти дальше, уже об этом не думая, или — в другую сторону. Нет? Я изложил неверно вашу мысль?

— Не совсем. Я думаю, что вряд ли существует какой-то план. Вообще, все происходит случайным образом (мне так кажется). Это элемент франкфуртской школы — рассуждение о том, что все неслучайно получается, и все совпадает во времени. Но, с другой стороны: что, скажем, вся европейская музыка — от позднего Средневековья или раннего Ренессанса — представляла собой с точки зрения компьютера?.. Некие чистые данные, командную строку. А дальше, так сказать, все шло, как и «положено»: создавался интерфейс, если угодно — все более и более богатый, то есть фактура появлялась, все больше и больше появлялась фактура.

А. Х.: Давайте как-то расшифруем. Имеется в виду создание симфонического оркестра, большой оперы?

— Да, но не столько это. Просто сама музыка обрела фактуру. Барокко началось с того, что появилась фигурация, которой не было начисто, потому что до

¹ Пьеса Д. М. Курляндского «Механизмы искусственного поддержания жизни».

того было абсолютно чистое, как я это называю, «метаслово». Музыка — это «метаслово», а фигурация собственно к слову отношения не имеет. Это уже, так сказать, «тра-ля-ля». Затем эта фигурация стала усложняться, и вот мы пришли как раз к той ситуации, когда на первое место выходит уже не сама интонация, не «командная строка»...

А. Х.: А фигурация стала «метафигурацией».

— Да, она стала способом создания нового звука, вот что я имею в виду. Что сделали, скажем, импрессионисты? — Дебюсси или Равель ни одного нового инструмента или приема игры не придумали, — а их музыка звучит невероятно непохоже на то, что было раньше, т. к. они придумали новую фактуру. А в XX веке к их фактурным находкам добавилась тембровая мелодия. Это основной стержень современной музыки, без которого ее и представить невозможно. Получается, что это движение музыкальной материи, так сказать, выросло из двух независимых источников: с одной стороны, от Малера, Шёнберга, а с другой стороны, от импрессионистов. И эти два вектора сошлись где-то в середине XX века, дав в результате новое звучание оркестра... Тот же Шелси, например. Или, совершенно другой пример, не менее яркий, но совершенно из другой стилистической области: симфоническая музыка Джона Адамса — невероятно яркий оркестр, узнается моментально. С полуоборота узнается.

Звучит фрагмент оркестрового произведения Адамса.

— Собственно, весь XX век музыканты находились в ситуации, резко отличающейся от всех предыдущих времен. Во времена Моцарта знали практически только предшествующую музыку, — музыку, которая была *только что*. Моцарт, как известно, сам искал что-то более старое, но слушатель этого не знал начисто. А сейчас любому слушателю доступна музыка, попросту говоря, всех времен и народов. Такой ситуации не было никогда...

А. Х.: Анатолий Александрович, какое ваше первое сочинение для электроники? Почему вы за него взялись? И что это было за сочинение?

— Это был «Шаляпин».

А. Х.: Вы о нем немножко рассказывали, но не грех повторить, потому что это было давно.

— Вообще, все у меня началось как раз не с электронной музыки. С. Л. упоминала «Большой распев» — это вообще, пожалуй, первое сочинение, в котором я сознательно подошел к этой проблеме.

А. Х.: Надо пояснить, простите, «Большой распев» — это сочинение...

— ... для струнного оркестра. Это как бы «хоровое сочинение» для оркестра.

А. Х.: То есть оркестр отчасти имитирует звучание хора и хоровую акустику, храмовую?..

— Не то что имитирует... Оркестр, конечно, не может имитировать звучание хора, но некоторые особенности, некоторые, скажем, неровности в звучании хора — может. Вообще, я очень люблю «дефекты» в звуке, и иногда использую это специально. На самом деле, не только я, это уже достаточно известный прием, когда...

С. Л.: ...имитируют «шероховатость».

— Да, «шероховатости» и «дефекты» становятся звуковой базой сочинения. И это, между прочим, реакция на «вылизанную» компьютерную музыку. Потом, когда я познакомился с музыкой Шелси, мне стало не-

множко обидно, что я велосипед изобрел, но, все-таки, — сам (*смеется*).

С. Л.: Независимо от него.

— Да. А потом я, уже к компьютеру ближе, просто некоторое время размышлял. Работал в электронной студии Сантк-Петербургского Союза композиторов... Сначала мне пришла мысль, что материал должен быть какой-то архивный, ну а потом, — что это будет Шаляпин. Я считаю, это абсолютно русский бренд, не требующий никаких пояснений.

Звучит фрагмент произведения «Шаляпин».

— Положительное свойство компьютера таково, что он помогает понять: музыка — это не ноты. Музыка — это звук все-таки. Чем дальше, тем больше она звук. Работа с компьютером очень много лично мне помогла понять в оркестре. И я сейчас стараюсь студентов этому учить, т. к. многое в оркестровом звучании традиционно идет от нот. Звук трубы, например, совершенно не соответствует той ноте, которая написана в партитуре, потому что там... Труба — по физическим характеристикам — самый высокий инструмент оркестра, не считая некоторых ударных. У нее пик звучания приходится где-то на 3000–4000 Гц, поэтому мы ее и слышим всегда. Из традиционных учебников инструментовки эта вещь никак не вытекает. Согласно логике этих учебников, казалось бы, слышнее должно быть то, что сверху, а — нет: сверху-то труба оказывается.

После этого я сделал уже несколько небольших мультимедийных проектов. Понимаете ли, в чем дело: электронная музыка имеет большие ограничения. Если, опять-таки, в 1970–1980-е еще годы устраивались концерты электронной музыки, куда люди приходили, садились в зал и смотрели на динамики на сцене, то сейчас это невозможно делать. Поэтому чисто электронная музыка имеет серьезный дефект.

С. Л.: Да, это — радиомызыка практически. А человеку интересен человек... На сцене.

— Да, концертная музыка. А вот сделать электроннику концертной может только физическое участие человека, причем не просто сидящего за пультом на кнопках, а каким-то образом физиологически влияющего на звук. Так же, как исполнитель смычком, он должен влиять на звук. В связи с этим появилось множество различных контроллеров и live-систем реального времени. Один из способов двигаться в ту же сторону — это мультимедиа. Это когда электронная музыка выступает в ансамбле, так сказать, с видеорядом. Потому что глаза надо куда-то девать. Потому что, если человек пришел на концерт...

С. Л.: ...он должен и видеть что-то. Это не обязательно экран. Это может быть театральное представление. А ваша мультимедийная пьеса «Экклезиаст»...

— ...полное название «Экклезиаст. Первая глава». Об этом по радио не имеет смысла говорить. А вот, может быть, маленький фрагмент из другого мультимедийного сочинения я бы предложил. Это — «Спектры химических элементов». И первая пьеска построена на — она так и называется — «Серия Балмера». Это значит: спектральная линия водорода. Спектры — это полосочки. Просто мне пришла идея перевести их в частоты. Не будем делать вид, что все это имеет отношение к науке. Подробно объяснять сейчас не стоит, потому что те, кто знает, что такое спектр — и так знают. Серия переходов электрона, — вашего, только не свободного (*смеется*).

С. Л.: **Вряд ли все наши радиослушатели поголовно обладают знаниями о серии Балмера... Расскажите об этой композиции.**

— Это — маленькая композиция, которая построена на частотных соотношениях, аналоговым образом перенесённых из спектра электрона.

А. Х.: **То есть там получилась шкала высотная.**

— Да, высотная шкала.

А. Х.: **Грубо говоря, вы взяли эту серию... (Это вообще-то мифологический персонаж — серия Балмера — это такая штука, с которой началась вся квантовая физика.)**

— Ну да.

А. Х.: **Вы ее перенесли в определенный диапазон звука, получили определенный звукоряд, а дальше в этом звукоряде сочиняли просто как композитор.**

— В общем, да. Хотя старался немножко ее репрезентативно представить: пьеса заканчивается перебором всей этой шкалы.

С. Л.: **Давайте послушаем.**

Звучит фрагмент сочинения «Серия Балмера».

А. Х.: **Это сочинение так и называется «Серия Балмера»?**

— Нет-нет, эта часть так называется, а сочинение называется «Спектры химических элементов». Там тоже есть видеоряд. И в полном соответствии с тем, что я говорил, на экране — квазинаучная презентация со множеством мелькающих слайдов со всякими спектрами и прочим.

А. Х.: **Вы, когда сейчас пишете живую музыку, ловите себя на том, что какие-то приемы, ходы, структуру, звуковые находки из своей электроники туда опрокидываете?**

— Думаю, что да. Про курицу и яйцо получается. Но, конечно, это некий опыт, который, невозможно забыть и сделать вид, что его не существует. В редких случаях, когда приходится что-то писать на бумаге (иногда приходится все-таки), совершенно невероятно раздражает отсутствие функции «undo».

С. Л.: **«Отменить» то есть.**

— Рука тянется, а — нету! (все смеются).

КОНФЕРЕНЦИИ

Alexandra AHONEN

Musikal Autografs Open Their Secrecy

Статья о IV научной конференции студентов и аспирантов «Музыкальный автограф», прошедшей 7 мая 2009 года в Санкт-Петербургской консерватории. Рассмотрен весь спектр представленных тем в целом, ознакомительно рассказано о каждом докладе.

*In the Artikel it is told about the Forth student's and postgraduated student's Academic Conference **Musical Autograf**, which was held in the 7th May, 2009 in St Petersburg State Conservatoire. It was discussed about all the presented themes in generally and was related in short about the every proceeding.*

Александра АХОНЕН

Музыкальные автографы открывают свои тайны

7 мая 2009 года в Санкт-Петербургской консерватории состоялась ежегодная **научная конференция «Музыкальный автограф»**, посвященная музыкальному источниковедению и текстологии. В четвертый раз, начиная с 2006 года, организаторы конференции — кафедра древнерусского певческого искусства музыкаловедческого факультета и Научно-исследовательский отдел рукописей Научной музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской консерватории — предоставили возможность публичного выступления начинающим исследователям: студентам и аспирантам консерватории. Вела конференцию заведующая отделом рукописей доцент кафедры древнерусского певческого искусства Тамара Закировна Сквирская.

Сравнительно с конференцией прошлого года, когда выступил 21 докладчик, количество участников стало меньше — прозвучало только семь докладов. Местом проведения конференции был не конференц-зал, а видеогостиная. Несмотря на камерные масштабы конференция прошла на высоком научном уровне, который был задан вступительными выступлениями почетных гостей конференции — крупных российских исследователей-текстологов.

С приветствием к участникам конференции обратилась проректор по научной работе Санкт-Петербургской консерватории, доктор искусствоведения, профессор **З. М. Гусейнова**. Как один из организаторов конференции, известный ученый-текстолог в России, Зивар Махмудовна отметила важ-

ные тенденции современной науки: к источниковедению и текстологии обращаются все больше и больше молодых исследователей — и, раз обратившись, как правило, остаются в этой области, что свидетельствует о большом потенциале развития и актуальности текстологии.

Вступительный доклад «*Источниковедение в современном музыковедении*» прочитал доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской консерватории **А. И. Климовицкий**. Главным источником изучения жизни и творческого наследия композиторов назвал он *рукопись*. Крупнейший исследователь творчества Бетховена напомнил слушателям о том, что рукопись — это тайна, которая может раскрыться только трепетному исследователю, благоговей-